

У ЧѢРТА
НА
КУЛИЧКАХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Владислав Хохлов

18+

Владислав Хохлов
У чѣрта на куличках

«Автор»

2026

Хохлов В. Н.

У чёрта на куличках / В. Н. Хохлов — «Автор», 2026

Семья Бегловых и не ожидала, что получит в наследство маленький домишко где-то в натуральной дыре, задворки Советского Союза. Да и само название - село "Неясыть", ни о чём не говорит. Глухое место, которого нет ни на одной карте. Но семья Бегловых не представляет, что они едут не на маленькую экскурсию, суть которой воссоединиться с корнями (и нажиться на них), а прямиком в капкан нечистых сил, которые живут в селе... Или они и есть село Неясыть?

© Хохлов В. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
2 ноября 1988 года, полдень	6
17 ноября 1988 года, вечер	7
19 ноября 1988 года, раннее утро	11
19 ноября 1988 года, позднее утро	14
20 ноября 1988 года, ночь	22
20 ноября 1988 года, утро	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владислав Хохлов

У чѣрта на куличках

Глава

2 ноября 1988 года, полдень

– Пашка, старуха умерла! – раздался резкий крик, стоило ржавым дверным петлям оповестить хозяина хижины о вторжении нежданного гостя.

– Какая из?! – вопросительно рявкнул «Пашка». Последний час он занимался убитым зайцем, его тушкой и шкурой, а само терпение иссякло около полчаса назад.

В хижине царил сущий хаос: часть мебели – которую с трудом можно было найти в осунувшемся доме – или стояла, или лежала, в зависимости от прихоти хозяина; пол был испещрён сотнями зазубрин и шлейфом от частых перестановок, стойкий запах самогона на картошке не позволял вдохнуть полной грудью, вместо ковра низ украшал нагой пол, словно декор, тут и там валялся мусор самого разного характера. Дом, как ни есть. Грязный и отвратительный... но всё же дом.

Павел всадил нож в деревянный стол, сквозь шею мёртвого животного, будто оно могло сбежать, пока его убийца отвлекается. Этот дородный, злой, осунувшийся лицом мужчина и слегка туповатый во взгляде был в этой хибаре хозяином, и, пришёл ли гость с плохими новостями или нет, ему есть что высказать непрошенному.

– Ждана!.. – невнятно сообщил гонец. По нему не было видно, какие он испытывал чувства, они то и дело мимолётно проскакивали морщинами вокруг бровей и губ, точно его реакция зависела от реакции самого получателя.

Влад, – а именно так звали «гонца», – выглядел не лучше Павла, хоть и был моложе на семь лет. Тяжело жилось не только им двоим, но и остальным жителям села, тем, что были *нормальными*. Плешивая макушка, один скосивший глаз, сломанный нос и гнилые зубы; он не выглядел как джентльмен, но был смышлёным, вежливым и добрым, когда была на то необходимость. За ним всю жизнь в тридцать лет тянулось пренебрежительное «Владик», как облезший хвост за собакой.

Услышав новость, Павел натурально засиял. Ждана умерла! Он громоподобно засмеялся, вплоть до приступа кашля. Владик облегчённо выдохнул и тоже начал смеяться. Если смешно другому, то и Владу было смешно.

– Заживём-заживём! В кои-то веки проклятая отпустила нас! Я тут как раз косога поймал, будет чем закусить.

– Я всех сейчас созову!

– Нет! – Павел резко изменился в настроении и сжал кулак, грозя ударить хлипкого друга.
– Забыл что ли, как было в прошлый раз?!

– Нет, не помню...

– А я!.. Тоже не помню... Ну, брось, Владик, только ты да я. У нас не так много времени, пока эти черти сами не начнут веселиться.

Обернувшись в сторону скорой закуски (картофельный самогон вполне неплохо сочетался с зайчатинной), и готовясь продолжить готовку, оба приятеля увидели лишь пустой стол с воткнутым в него ножом. Пока Владик рисовал на себе крест, хозяин избы высказался:

– Это не дело, Владик... не дело.

17 ноября 1988 года, вечер

Смена в автомастерской закончилась двадцать минут назад, но Григорий Беглов ушёл с рабочего места ещё на полчаса раньше. Ему было необязательно так поступать, поскольку он легко успевал туда, куда и пришёл, особенно после того, как ещё сорок минут гулял и заливал в горло купленное пиво.

Когда ему прямо на рабочее место пришло письмо от местного нотариуса, с просьбой явиться в скорый срок, он был удивлён. Первой же мыслью было то, что все его маленькие махинации, – которые начали переваливать за полусотню, – неожиданно стали общественным достоянием. Но мысли, что он, как маленький вор-бизнесмен, слишком мелкая рыбёшка, чтоб милиция устраивала засады, особенно такие хитрые и безвкусные, всё же успокоили мужчину.

Если бы его действительно прижали обстоятельства, которые назывались «уголовная ответственность», он бы не постеснялся покинуть город, и жену с двумя детьми. По крайней мере в этом он иногда признавался самому себе.

Первые две минуты, сидя у входа в кабинет, он пытался ни о чём не думать. Чуть позже его сразу посетили мысли, что мало чего можно ожидать интересного от нотариуса: фактически, в глазах закона, Григорий был чист, – если не считать отсутствие банальной нравственности и этики, и ни перед какими-нибудь структурами он не числился; рассчитывать на неожиданно всплывшего из ниоткуда родственника с «дарственной» или то же завещание тоже было тяжело. Сколько Григорий себя помнил, с самого раннего возраста и пребывания в детдоме, единственный человек, кого он действительно однажды назвал мамой, была Дева Мария.

Плохого от посещения нотариуса не ожидалось, в равной степени, как и хорошего. И, казалось бы, какого черта он здесь забыл?.. но любопытство пожирало изнутри, особенно после опустошённой бутылки.

Деревянная дверь открылась, и из неё выпорхнула заплаканная женщина в чёрном... натурально, как вестник рока. Григорий сухо сглотнул, как бы ему также не вылететь в слезах.

Войти в кабинет не составило никакого труда, а вот сдержать явно растущую неприязнь – крайне сложно. Учитывая, как выглядел Григорий, в этой потрёпанной и запачканной форме автомастерской, его присутствие в кабинете «правоохранительного работника» расценивалось как бандитский рейд.

Нотариус походил на типичного офисного работника: весь такой зажатый, точно его большой ум и профессия давили на голову, что со временем осунулись в плечи и сгорбили спину. Как толстый хомяк, этот мастер юриспруденции сидел за столом и перебирал бумаги. Он словно знал, кого нужно ждать в любой момент, и стойкий запах машинного масла уже уведомил его заранее – Григорий Беглов пришёл по высланному приглашению.

Пока вошедший работник автомастерской сидел и ждал что с ним заговорят, его дело внимательно просматривалось уже в третий раз. Да, нотариус не поленился дополнительно взять информацию из местного отдела милиции, чтобы убедиться, кого именно он пускает к себе в логово, и такая чистая характеристика могла быть только у священников, если нельзя было посчитать неприятное и озлобленное лицо за преступление. У гостя также отсутствовал большой палец на левой руке, что однозначно должно было произойти ещё в далёком детстве. Нотариус был уверен, что подобная деталь сильно сказалась на взрослении этого человека.

Мария, жена Григория, судя по документам была не шибко настроена на брак. Если смотреть на важные семейные даты, то в глаза бросается то, что Сергей – первенец – родился через три месяца после свадьбы. Учитывая грубое выражение лица автомеханика, было тяжело представить любое отношение с нормальной – и даже живой – женщиной. Фантаст-некрофил, не

стесняясь себя сказал бы нотариус, испытывая инстинктивное отвращение к Григорию, как к какому-то паразиту.

Обе стороны сразу принялись оценить царящую вокруг обстановку. Не пробыв в помещении более пяти минут, Григорий уже приметил десяток поводов невзлюбить сутулого коротышку. У него даже сложилось ощущение, что даму в чёрном тот специально довёл до слёз, поскольку просто тешил своё эго и, возможно, получал сексуальное удовольствие. Нотариус молчал, а лёгкий свист из левой ноздри давил на нервы. Если резко покинуть кабинет и никогда больше не возвращаться, Григорий ничего не потеряет.

Хомяк-нотариус закончил оценивать Беглова, и пришёл к выводу, что человек перед ним действительно чист, – кроме его формы и специфического «волчьего» выражения лица. Он очень сильно сомневался в том, что скользкая дорожка миновала такое *выдающееся* лицо, но разбираться в том, что находится за пределами официальных бумаг было гиблым времяпрепровождением... равно как и опасным.

– Здравствуйте, Григорий Григорьевич. (Беглов специально выбрал себе в Отчество собственное имя, поскольку не только не знал имени биологического отца, или любого другого, по его ощущениям «Григорий Григорьевич» звучало крайне солидно.)

– Вечер добрый. – «И к чему это было? – спросил сразу сам себя Григорий. – Если ты не намерен позвать меня в бар на душевный разговор и пару рюмок горячительного, то какого чёрта распыляешься?».

– Вы ведь помните по какой причине вас позвали?

– Нет. Не имею ни малейшего понятия.

– А письмо? Кажется, в нём я описал тему нашего разговора...

«Вот именно, «кажется». Было неудивительно, что этот хомяк затерялся в сотне сменяющих друг друга людей, что попросту забыл об одном из них. Забыл о Григории Беглове.

– Оно пришло во время наплыва посетителей, когда тяжело было отойти от работы, и я просто не успел его просмотреть. – Когда Григорий говорил, он прокрутил в памяти то, что сразу разорвал конверт и сжёг. Сейчас ему действительно захотелось его открыть и прочитать.

– Пускай. Вы что-нибудь знаете про гражданку Ждану... Нежданову?... – Фамилия и имя на бумаге выглядели реальными, да и в жизни встречались аналогичные *кадры*. Подобные индивиды создавали чарующий типографический казус.

– Впервые слышу, – сдерживая улыбку сказал Григорий.

Будь его руки запачканы кровью, – а он никогда не собирался грешить подобным, – а не кражами и вымогательством, он бы по-настоящему запаниковал. Однако, услышав незнакомое имя, он всё же напрягся. Он действительно мог где-нибудь встретить эту женщину, и ещё хуже – солидно подпортить ей жизнь.

Если вскрыется одна маленькая махинация, то вслед полетят и другие.

– Она должна приходиться... двоюродной сестрой вашей матери. Ваша двоюродная тётя.

– Превосходно. А дальше?

– Она умерла второго ноября в возрасте восьмидесяти одного года.

– Здоровья старушке... А я тут при чём?

Нотариус сделал небольшую паузу, чтобы выпить воды и поправить галстук. Сидеть напротив ярого рецидивиста было достаточно изматывающе. От пренебрежительного, агрессивного и бестактного отношения Беглова так и тянуло сплюнуть на пол, но работа требовала соответствующих усилий. Мужчина обвёл взглядом кабинет, который показался ему более грязным и душным, чем обычно.

– После её кончины, привязанный к ней банк вскрыл персональную ячейку хранения клиента, чтобы можно было описать содержимое и предоставить родственникам, и там как раз находилось завещание, в котором были упомянуты Вы. Ничего другого больше в банке не хранилось.

По спине Григория пробежали такие здоровые мураши, что можно было их собрать в банку и отправиться на рыбалку. Неожиданно появилась родственница, что знала о Григории всю жизнь, но никогда не думала выйти на контакт; бабулька умирает и пытается чем-то наградить двоюродного племянша, просто за факт его существования. Если вся эта ситуация не являлась каким-то извращённым розыгрышем, то точно смердела нездоровым напряжением и весельем.

– Вы хотите сказать, что мне, детдомовцу, который ни разу в жизни не слышал даже имени любого кровного родственника, пришло письмо о наследстве?!

– Да.

– Бред! Вы хоть сами понимаете, как это звучит? Это по-вашему, что, книжка какая-то? Дрянная драма прямиком из девятнадцатого века?

– Григорий Григорьевич, я вас прекрасно понимаю. У меня с собой листок. Держите. – Нотариус скрылся под столом и достал бумагу. Беглов сразу принялся читать.

Это был грязный и измятый «от» и «до» лист бумаги. Местами наблюдались поправленные и зачёркнутые слова, роспись в углу, в надежде проверить чернила, кляксы и въевшиеся пятна жира. Ни даты, ни подписи, разом небылица и шутка. Ноль юридической ценности.

Я, Нежданова Ждана Кузьминична, уроженка Старокорсунской станицы, проживающая в селе Неясыти, пребываю в здравом рассудке и трезвой памяти. Наделяю своего двоюродного племянника, Григория Беглова, что был сдан и проживал в Белореченском детдоме №7 с 1951 года, плодами жизни своей. Оному сыну божьему я вверяю после своей кончины собственный дом, находящийся в селе Неясыти, Краснодарский край.

Премногоуважаемая и верная богу Нежданова Ждана Кузьминична.

«Бабуля, походу, была с придурью. Будто сбежала из средневековья. На её месте, я бы тоже отдал тапочки богу да нашёл лоха для своего хозяйства», – пронеслась мысль в голове Григория, стоило закончить чтение.

– А где этот Неясыть?.. – смутился он, не припоминая ничего знакомого.

– Я не нашёл его на карте, но он должен быть где-то южнее Майкопа. Думаю, на месте будет виднее, если вы захотите приехать посмотреть.

Беглов во второй раз прочитал письмо. Какое-то время он молча смотрел на бумагу и активно думал.

– Вы сомневаетесь в фиктивности документа? В нашей практике имеется, что заброшенные далеко от цивилизации люди имеют крайне слабое представление о юрисдикции в подобных вопросах. В случае чего, вы можете отказаться от...

– Нет!

Хомяк даже дёрнулся от этого резкого ответа, точно его скинули с плахи, заменив выцветший галстук на толстую бечёвку. По его покрасневшей шее уже было заметно, как сильно ситуация его вымотала.

– Если бабуля действительно является тем, кем представилась, то я рад за неё. А от подарка ведь отказываться неправильно, верно?

Нотариус только молча кивнул. Ему почему-то показалось, что стоит что-то сказать, как Беглов покажет свою *настоящую натуру*.

– Как доказать, что дом теперь действительно мой? – спросил Григорий, окончательно вернувшись из плена размышлений.

– Фактически никак. Но как только вы прибудете в село Неясыть, то стоит опросить местных, дабы доказать родство. Если же вас примут в качестве нового хозяина, то участок всецело будет Ваш. Это будет... *справедливо*.

Была ли это какая-то новая махинация или определённый шифр – Григорий не знал. Даже после письма он сильно сомневался в том, что всё написанное в нём правда, вплоть до имени и названия села. Однако, целый дом и прилегающий к нему участок могли походить на

золотую жилу, и упускать такой случай ровнялось сущему кретинизму. Ему надо это обдумать, обсудить.

– Да, хорошо, – сказал он и поспешно вышел из офиса.

19 ноября 1988 года, раннее утро

Страхивая последние капли, Григорий закончил орошать подтаявший снег и направился назад к машине.

Жена с детьми ждали возвращения главы семейства, который последние пару часов ворчал, что ему уже не в терпёж, пока в кои-то веки не решился остановиться.

– Собачий холод, – выругался он, как только вернулся на водительское место, что уже успело остыть. Несмотря на то, что приближалась зима, год выдавался вполне тёплым.

– Если хочешь, можно налить чай из термоса, – предложила Мария, уже потянувшись к задним сидениям за железной ёмкостью.

– Не нужен мне твой чай. Переживу.

Когда два дня назад Григорий вернулся домой от нотариуса, то достаточно долго размышлял о том, что произошло в кабинете того толстопузого коротышки. Он один раз только показал письмо Марии, чтобы та была в курсе, на какую авантюру он собирается взять с собой целое семейство. Оправляться одному? Не вариант. Взять только сына? Ещё хуже – засранец все нервы подпортит. Отказы не принимались. Не хотелось бы ему, чтобы вся эта *шушара* отлёживалась дома, пока он превращает загадочную переданную избу в настоящий дворец, что можно будет отдать за пару тысяч рублей какому-нибудь дураку.

Продавать ненужное Григорий умел, и отказываться от покойной и сморщенной матушки-гусыни никак не намеревался. Оценивая возможные виды работы, он прикинул, что займётся благоустройством на одну-две недели и вернётся обратно в Белореченск.

Он был готов отбыть сразу в тот же день, как только пришёл к выводу (18 ноября), но обстоятельства и юридические вопросы потребовали отодвинуть поездку. Пока он возвращался к нотариусу, чтобы сгладить кое-какие вопросы, Мария, по требованию мужа, отправилась в кадетское училище, где выпросила у коменданта временное увольнительное для Серёжи, их 17-ти летнего сына.

Вечером, когда вся семья была в сборе, Серёжа показывал всё своё недовольство, но отцовское воспитание быстро вернуло ему покорность и смирение. Только Мария и Вера не высказывали и нотки сомнения.

– Ты это сейчас ничего не понимаешь, но как только всё продадим, то благодарить меня будешь. Это будет урок тебе на всю жизнь, пацан. Хочешь чтоб всё было как в шоколаде – действуй, – сказал Григорий, заметив через зеркало заднего вида недовольное выражение на лице сына.

Хоть Серёжа и был первенцем, – превосходной собственностью любого семьянина, – это был не самый любимый ребёнок в семье. И такое отношение отца и сына было взаимно для обеих сторон.

На нравочения отца юноша не дал ответа.

– И что молчим? Этому тебя разве учат в твоём кадетском клоповнике? Обиженно молчать? Ты меня услышал?!

– Услышал. – Серёжа ответил, едва сдерживая вырывающийся на передний план оскал. Даже приевшееся «так точно» было недостойно ушей Беглова-старшего.

– Услышать мало. Главное – понять. Ну ничего, пока мы будем у чёрта на куличках, я займусь твоим воспитанием.

Серёжа отвернулся в сторону окна. Он сразу понял, что их маленькая перепалка не могла закончиться иначе. Не имело смысла ругаться, если последними аргументами могут стать тычки и кулаки. Пытаясь отодвинуть весь окружающий мир на задний план, он молча наблюдал за другим, по ту сторону окна, пока его девятилетняя сестра спала, облокотившись о его плечо.

Да, победа снова была за Григорием. Не в первый раз. Но его сын понимал, что когда-нибудь это закончится. В кадетском училище он изучал историю, политику, следил за тиранами и монархами, и знал, что *всё* всегда кончается.

Прошло ещё полтора часа безостановочных скачков внутри машины.

– Мне кажется, что мы уже проезжали эту поляну, – заметила Мария, наблюдая за пейзажами.

Это не была попытка оскорбить или принизить способности водителя, всего лишь безобидная констатация фактов. Но эти слова возымели свой эффект.

Машина резко затормозила. Взыли тормоза. Все в салоне дёрнулись. Ударившись о кресло переднего сидения. Вера проснулась и заплакала.

– Проезжали?! Да неужели!.. – Григорий неряшливо достал комок бумаги из бардачка и показал жене на соседнем кресле. – На, смотри!

– Что это, Гриша?

– Карта, по которой мы должны найти дорогу. Найди здесь Неясыть.

– Здесь ничего нет, Гриша...

– Именно! Вот этот круг говорит о том, что эта чёртова дыра должна быть где-то здесь.

Карта была максимально паршивой. Нотариус умудрился найти достаточно современную копию края, и нанёс на неё примерное расположение села, как можно было предположить исходя из городских архивов. Площадь поисков составляла десятки тысяч квадратных километров. Ни дороги, ни тропинки, ничего, что могло бы подсказать примерное направление.

– Как вернусь, прикончу жирдяя.

– Не надо, Гриша, он ведь тоже не знал, где эта деревня.

– Не знал он... Знаешь, как любят говорить эти люди? «Незнание закона не освобождает от ответственности». – Мария решила не развивать эту тему. Пусть Григорий останется прав. Как и всегда.

Поскольку салон серой жигули (ВАЗ-2102) погрузился в победоносную тишину, Григорий достал свежую пачку сигарет.

– Пожалуйста, Гриша, не кури при детях!..

– Отстань. Я на нервах. На улицу выйду только тогда, когда приедем.

И снова воздух наполнился его победой... и жгущим лёгкие удушливым дымом. Серёжа тоже ничего не сказал. Будь он постарше и покрепче, ему нашлось бы что ответить отцу.

– Гриша, здесь есть заправка! Может там кто-нибудь подскажет направление? – Она показала карту мужу, на которой располагалась маленькая АЗС. Он впервые прислушался к её мнению за последние месяцы. Григорий слегка удивился, что не заметил этого раньше, но решил всё же не признавать ошибку.

– Хорошо, давай попробуем.

Машина развернулась и направилась туда, где можно было выехать к нужному месту. На удивление, это оказалось куда проще, чем найти Неясыть. Докурив сигарету и собравшись с силами, Григорий вышел из машины и направился к кассам. Станция над вид выглядела приличной, со всеми табличками и рабочим освещением.

– Мама, – раздался тихий и ласковый голос с задних сидений.

– Да, милая? – Мария повернулась к дочери и улыбнулась ей с вопросительным взглядом.

– Почему папа не в настроении? – девочка пыталась говорить через свитер, чтобы особо не вдыхать табачный дым. Серёжа демонстрировал мужество и даже пытался не морщиться.

– Папа просто устал, золотце. Вот приедем, начнём работать на свежем воздухе, и полегчает.

– Правда?

– Правда.

– Правда-правда?

– Правда-правда. – Мария улыбнулась, и Вера ответила ей. Шаткое благосостояние семьи очередной раз было восстановлено, о чём Григорий никогда даже не догадывался.

Серёжа тоже подхватил их приятный настрой. И у него было множество вопросов для матери: «Почему она ещё с отцом? Почему он такой придурок? Как она вообще вышла за него?», но каждый раз, когда подобные мысли рождались в голове, он замечал на лице матери лёгкую улыбку. Была бы она счастлива без Григория?.. Быть может, до него она была самой печальной на свете. Прямо сейчас она излучала маленькие светлые лучики, настолько ценные и хрупкие, что не хотелось хоть как-то их касаться, какие бы ни были на то основания.

Ещё он боялся, что эта лёгкая на подъём женщина могла проболтаться отцу. И тогда, проблем не жди – они уже здесь.

Дверь в машину открылась. Григорий сел обратно за руль. «Вот так в жизни и бывает: думаешь о придурках, и они садятся в твою машину», – пронеслась мысль в голове молодого кадета. Он улыбнулся и поспешно спрятал лицо.

– Ну что, у меня только плохие новости. Мы зря жгли бензин. Кажись село за теми густыми кустарниками, и прямой дороги до него нет, – Григорий указал пальцем в сторону плотной стены из кустов и маленьких деревьев. Он резко оборачивается на заднее сидение. Недовольство и злое выражение лица навсегда оставили след на нём в виде глубоких морщин, – ну что, детишки, прогуляемся?

Ни у кого не было желания проявить инициативу. Только Мария попыталась как-то смягчить *углы*:

– Не такая уж и плохая новость – мы всё же нашли Неясыть.

– Это всё равно плохая новость.

Григорий вышел наружу, так как не собирался согреться и оттягивать встречу со своим кошмаром. На детях была тёплая одежда; мать в шубе, а отец семейства в кожаной куртке с волчьим воротником. В эту тёплую зиму никто бы из них не замёрз. Машину заперли, и вся семья направилась в глубь плотных кустарников. Минут десять они шли через непроходимые ветви и еловые иголки, что будто пытались остановить путников, заставить их повернуть обратно, но точно не позволить им прийти туда, куда они направляются.

Вскоре маленькое мучительное испытание подошло к концу, и семье открылось Неясыть.

Это был достаточно бедный на растительность луг, с семнадцатью одинокими избами, некоторые из которых стояли одиноко от общего сбора. Животинки никакой не наблюдалось, из труб не валил дым, словно всё село принадлежало партизанам, что прятались от всего белого света. Никаких звуков, людей или птиц... Натуральное кладбище.

Дома напоминали экспонаты древней Руси, настолько же старые и неряшливые, как и сколоченные на скорую руку дешёвые макеты; осевшие по самые окна, покосившиеся в боках, готовящиеся к вечному погребению. В таких не то, что находиться было страшно, но и смотреть, – они то и дело норовили в любой момент рухнуть. Почему-то здесь пахло тухлятиной, словно кто-то умер и его так и не закопали. Единственным достаточно любопытным местом был только огромный, высотой примерно в пять метров, необычно заострённый камень, что стоял практически в центре всего села.

– Какое отвратительное место, – без стеснения заключил Григорий.

19 ноября 1988 года, позднее утро

Семья прошла пару десятков метров от живой изгороди, что отделяло село от реального и цивилизованного мира. Прошло пару минут, но всё вокруг было мертвенно тихим. Складывалось ощущение, будто всё вокруг давно погибло.

– Похоже, здесь вообще никто не живёт... – с дрожью в голосе произнесла Мария. Вера прижалась к маме.

– Есть кто живой? – резко крикнул Григорий, от чего всех членов его семьи дёрнуло от неожиданности.

На зов никто не отозвался; ни писка, ни шороха, даже эхо где-то затерялось.

– Что за бред, на улице уже... – отец семейства отодвинул рукав, обнажив поношенные, но всё же пригодные для использования наручные часы. – Какого?.. Часы остановились, как на зло. Я ведь помню, что ещё на стоянке они работали. В общем, половина одиннадцатого, а все спят. Тоже мне, *дервня*...

То ли это была неудавшаяся шутка, то ли Григорий таким образом попытался оскорбить местных жителей, если такие были.

– Серёжка, поищи кого-нибудь, – приказал отец сыну. Будущий выпускник кадетского училища без капли энтузиазма отправился в глубь хижин. – И побыстрее!

Серёжа скрылся за самой ближайшей постройкой, и просто сделал вид, что действительно занят делом, но сам сел на полено и с тоской оценивал пустоту Неясыти. Хоть в чём-то он был согласен с отцом: это было паршивое место.

Вокруг никого не было, ни единой души в поле зрения, и, возможно, на многие километры вокруг. Серёжа достал из внутреннего кармана куртки маленький свёрток, набитый табаком. Это была последняя сигарета отца из предыдущей пачки. В тот день он что-то активно обсуждал с Марией, и почти не курил, из-за чего пропажу в одну палку попусту не заметил. Хоть он и имел дело с сигаретами (в кадетском корпусе это было строго запрещено, вплоть до исключения, но находились и те, кого ничего не смущало), он всё же не спешил прибегать к *такому* выходу. Как на него подействует эта никотиновая зараза, так же расслабляюще, как и на отца, или же только усугубит его и без того неприятное ощущение в груди?..

Табак пах горько, его ни то что не хотелось курить, но даже и подносить к носу было неприятно. «И это люди употребляют в себя?!». Это была зависимость, болезнь, вынужденная мера заставить организм сменить фокус с одной проблемы на другую. Это могло быть именно то, в чём и нуждался Серёжа... но больше всего он нуждался не в сигарете, а в том, чтобы отец в кои-то веки заткнулся и отстал; чтоб настала тишина... Прямо как сейчас, когда он один сидит у какой-то дряхлой избы и вокруг нет ни души.

Он смял сигарету, и весь табак рассыпался, смешавшись с сухой травой. У него даже не было спичек. Это не решение, это мимолётная блокада, платить за которую придётся позже, причём очень дорого. Если отец действительно надоест ему настолько, что нервы не выдержат, то там будет решать случай. В случайности верить куда проще, чем в ложь.

Поднимая глаза от земли, Серёжа заметил маленькую тень, что юркнула под доски старого сарая. Кто это был? Кошка? Собака? Кем бы ни являлась эта тень, сейчас её уже нет, как и сигареты или надежды, что отец станет нормальным человеком. Юноша поднялся на ноги и начал возвращаться. Пусть все думают, что его поиски закончились неудачей, – Григория это только позабавит, после небольшого приступа злости, – это будет очередное мимолётное несчастье в семье Бегловых.

– А вот же он! – раздался удивлённый – и радостный?! – крик отца. – Иди сюда, Серёжка! Мы тут как раз говорим о том, что приехали посмотреть на дом, да тётку помянуть.

Кишки зашлись в узле, сердце забилося в настолько бешеном темпе, что лёгкие начали отказывать. Серёжа впал в ступор, – он впервые видел улыбку на лице отца. Почему она была такой фальшивой, почему от неё исходили, казалось бы, тепло и доброта? Он испытывал страх, который не встречал даже в драках.

– Ну иди сюда, – «увалень» – читалось во взгляде, – сынок!

Губы лгали.

Юноша медленно подошёл. Его не пугали побои и маты, не пугало грубое отношение и угрозы, но эта ложь, эта улыбка, непривычные глазам фанфаронства пугали. Что ещё мог сделать этот человек, какие ещё у него были секреты, что могли появиться даже спустя семнадцать лет совместной жизни?..

Григорий обнял сына за плечо. Обнял!

– Да, мы недавно получили завешание от бабули Жданы. Увы, мы с ней почти что не виделись, только когда я был совсем мелким. Помню её в детстве. Она была такой милой женщиной, всегда умела составить о себе впечатление. Только я никогда не был у неё в гостях и... жаль, что этому послужил такой ужасный повод. Не подскажете, где её дом? – Отец смотрел куда-то перед собой, Серёжа стоял рядом, прямо под тяжёлой и крепкой рукой, как на цепи. Мария и Вера стояли за отцом семейства – они знали, чья очередь сейчас говорить, и кому следует оставаться «не у дел».

Но с кем говорил Григорий, с кем разговаривала эта иллюзия превосходного семьянина, эта фальшивая кукла идеала благоразумия и добра, которую Серёжа никогда раньше не видел? Казалось бы, он даже не заметил рядом с собой незнакомого мужчину, морщинистого и в годах. Как долго они разговаривали? Как он заслужил к себе такое необычное уважение, которое никто никогда не получал?..

Этот незнакомец, выглядящий как бездомный, в неухоженной, засаленной и грязной шубе. Лицом он был стар, однако такую картину создавали не морщины, а глубокий и умный вид; дружелюбная фальшь и заинтересованность незнакомца была куда более выраженной, чем у Григория, будто кто-то специально нарисовал это стареющее лицо на том, кому оно не должно принадлежать. Чёрные волосы, зачёсанные назад, только усиливали эффект холодности и мудрости. Он смотрел прямо на Серёжу, полностью игнорируя отца семейства, и улыбался.

– У вас хороший сын, – наконец-то сказал незнакомец. Из-за длительной тирады Григория, складывалось ощущение, что он был немым. Он действительно проигнорировал вопрос по поводу хижины Жданы, и это бы понравилось Серёже, что его отца поставили на место, посчитав никем, если бы не то, что мужчина всё ещё смотрел на него и улыбался.

– Да, моя гордость. Мой первенец. – Григорий прижал к себе сына и засмеялся. Смех украшала куда более заметная фальшь, хотя бы здесь его ложь была более ясной.

– Рад знакомству, молодой человек, можете называть меня так же, как и все местные, Бражник.

– Сергей Григорьевич. Но обращаться к человеку по кличке как-то не очень вежливо. Как вас зовут?

– В знак дружбы и признательности, разрешаю звать Бражником!.. А звать... как-нибудь да и звать, это мало чем важно.

«Верно, как и формальность, с воспитанием и уважением...».

– Григорий, значит? – с вопросом посмотрел Бражник на отца семейства.

– Точно. Серёжа у нас молодец, – одним ответом убил два вопроса!

– До Сергея Григорьевича тебе ещё расти да расти, и я надеюсь, что ты не обидишься, если будешь Серёжей? – Григория ни во что не ставили, и это всё же была услада, даже пугающая внешность и поведение Бражника сошло на нет.

– Не обижусь.

– Молодец. Ваша бабушка жила в той избе, что стоит с краю. Вы его не перепутаете с другими – у него на крыше ещё стоит чугунный петух.

– Мы хотели бы осмотреть дом. Может, от бабушки остались важные документы или письма...

– Конечно. Конечно... – Бражник, осмотрел обоих мужчин, даже в кои-то веки посмотрел и на женщин, склонил голову вбок, расширил улыбку ещё шире и ушёл.

– Какой-то мутный тип, – заметил Григорий. Стоило местному отвернуться, как отец резко убрал руку с плеча сына. – Не стой как истукан, у нас ещё куча дел!

Мария и Вера не сказали ни слова, покорно выполняя свои роли на заднем плане. Статисты. Да, они дополняли эту картину идеальной семьи, увы, такой она была только в глазах незнакомых людей.

Дом тёти Жданы действительно выделялся на фоне остальных. Он единственный имел украшение на крыше и полное отсутствие дымовой трубы. Низкий и широкий, он пропадал на всеобщем фоне, но при детальном осмотре и отборе казался неместным. Окна были маленькие, ступени веранды высокие, а двери совсем не совпадали по размерам с косяком. Вглядываясь в это строение, можно было заметить, как сильно здесь была нарушена архитектурная целостность.

Нутро избы не походило на что-либо обыденное. В отличие от обычных мест, здесь не было прихожей. Внутри было полное отсутствие мебели, только грязные стены и паутина. Воздух внутри был спёртым, что не удивляло, и более промёрзлым.

– Я догадывался, что бабка с придурью, но что б жить в подобном клоповнике?..

– Может её забрали местные жители, Гриша?

– Сомневаюсь. Но тот алкаш... Бражник, или как там его, не выглядел дружелюбно. Такому дай в руки перо, и он *перещекочет* всю свою семью и братию.

– И, что скажешь на счёт дома?

Дети не спешили отходить далеко от родителей, – негде было спрятаться, даже потаённые углы были настолько открыты зрителям, что легко могли вогнать в краску. Вера спокойно прижалась к маме, а Серёжа, поборов всякое отвращение, на шаг приблизился к отцу.

Обстановка вокруг была максимально враждебной и неприятной, и, хоть никто не мог объяснить эти странные чувства, всё же все подверглись им. Несколько тучных слоёв паутины поднимались и опускались, точно седлая поток ветра, но сами потоки никак не ощущались. Изба казалась живой.

– Выглядит паршиво, но украсить можно. Меня напрягают только двери и окна – такого уродства я в жизни нигде не видел. Уверен, бабка сама каждое бревно ставила. Да... с этим придётся поработать. – Григорий сделал пару шагов в центр, но не дальше. Ему и было достаточно просто осмотреться, поскольку всё было на виду; он собирался широкими шагами пройти вдоль стен, но отказался. – Недели две. Как закончим, сразу съедем.

После такой беглой оценки будущих работ по реконструкции избы, вся семья незамедлительно вышла наружу. Внутри они провели не больше десяти минут, а на улице уже ждало новое лицо, молодое, свежее и приветливое. Женское.

– Д-доброе утро, – поборов смятение сказала незнакомка. – Я Юля, живу здесь, в избе перед свинарником. – Стоило ей только заговорить, как она оказалась старше, чем выглядела. Голос у неё был сильный, наполненный слабой хрипотцой, пропитый насквозь. Будучи единственным увиденным здесь ангелом, она сразу же упала с небес.

Юлия была одета не по погоде, – небольшая шаль на всё тело; даже не смотря на дрожащие ноги и прижатые к груди руки было понятно, что девушка мёрзнет. Девушка... тяжело было назвать её девушкой: выглядела она почти на двадцать семь, а говорила на все сорок пять, а вела, возможно, на семнадцать. Жизнь, однако, не жаловала людей Неясыти.

– Здравствуйте, – ответила Вера, из-за чего мать отдернула дочь за плечо. Незнакомка похоже не обиделась на то, что девочку *отругали*, и от ответного приветствия у неё появилась тонкая улыбка на лице.

– Мы здесь не местные, только приехали; мы новые владельцы этого дома. – Григорий вступил в разговор. Звучал он более резко и грозно, чем с предыдущим встречным. Увидев уже второго жителя села, он начал составлять опись местного контингента, список которого не мог похвастаться благородными людьми. Будь у Григория желание и соответственный настрой, он бы прогнал пьяницу прочь, хоть палкой.

– Вижу. Местные не стали бы снова заходить в эту халупу.

– Почему это?.. – удивлённо спросила Мария.

– Покойница. Видите ли, все здесь суеверны. Никто не должен возвращаться в дом без особого дела, иначе беду на себя накличат. А жить там подавно лучше не стоит.

– Да там не на чём жить – ни одной мебели, – пробубнел Григорий, заметив, что его агрессивный настрой практически не пугал и не прогонял Юлию. Он мог бы схватиться за палку, но сомневался, что такое приветствие приведёт к хорошим отношениям и с остальными жителями Неясыти.

– В таком случае кому может сдаться такой домишка. Он вот-вот развалится; ночами скрипит, под ветром шатается. Проще вернуться обратно в город и забыть обо всём...

– Дамочка, будем честны... это не ваше дело. Мы здесь по своим нуждам. Единственное, что нас беспокоит, так это где заночевать. – Григорий нахмурился и положил руки на грудь. Да... старый добрый Григорий, паршивец и негодяй.

– Не беспокойтесь о крове. У нас найдётся для вас место. Если хотите, можете даже и у меня жить, а я вам готовить буду. Всяко лучше, чем жить там, где человек дух испустил... Будет весело!

– А разве это не работает так, что в доме могут оставаться только старые жильцы, пока человек умирает и его тело ещё не вынесли? А новым жильцам уже напрочь запрещено какое-то время заселяться, иначе им будет мертвец сниться и приносить несчастье.

Все вопросительно уставились на Серёжу. Да, он не выдержал чтобы задать этот глупый вопрос. В голове у него уже начали крутиться соответствующие винтики, отвечающие за дедукцию. Может Юлия что-то и слышала о подобном, и даже Мария могла знать, учитывая, что ей в своём ещё не совсем далёком от рождения возрасте пришлось похоронить всех родственников. Григорий и вовсе ничего не знал, даже не интересовался: о смерти семьи или друзей он думал только в том ключе, что закопает и забудет.

Никто не ответил юноше: ни поправки, ни подтверждения.

– Я в книге читал... – неряшливо добавил он, что звучало как извинение за вмешательство в разговор.

– Спасибо за предложение, мы подумаем. – Учуяв момент затишья в разговоре, Григорий решил поскорее его напрочь закрыть. Не оставив Юлии и шанса что-то добавить, он взял сына и жену за руки и поскорее начал уводить в сторону.

Юлия осталась на месте. Заиграла ли её женская интуиция, сообщавшая, что ей больше не рады в этой компании, – если когда-нибудь вообще были рады, – или её пьяное безразличие взяло вверх над телом и разумом, но, первая мысль, что её посетила после разговора с новоприбывшими, была та, что *им* ужасно не повезло... и желание «бахнуть» самогона. Облизав пересохшие губы, Юлия скрылась с улицы раньше, чем семья Бегловых успела покинуть поле зрения.

Григорий шёл по улице и постоянно оглядывался. Новые лица всё не появлялись, а по ним он мог бы предположить, можно ли сесть человеку на шею или нет; насколько бесхребетным может оказаться следующий встречный. Пока же он шёл без цели, надеясь на спасительный свет в виде человеческого лица, и желательно не заплывшего от алкоголя или извечных

побоев. Остальных членов семьи было решено держать поблизости, чтобы не рушилась картина «Бедная семья в селе у покойной бабушки».

Через полчаса медленного шарканья по промёрзлой земле, отец семейства уже активно думал вернуться к машине.

– Ну как ваши дела, семейство бабушки Жданы? – раздался знакомый, но не очень приятный голос, как и человек владевший им. Мария от неожиданности пискнула.

Бражник выскочил из-за угла одной хижины, будто всё время сидел в засаде, однако сильная отдышка и бегающие из стороны в сторону глаза говорили об обратном. Он словно прибыл с завершившегося марафона.

Тяжело было представить, как люди в селе из семнадцати изб могут так легко теряться и так резко появляться из ниоткуда, точно они перемещались не по земле, а под ней.

– Посмотрели дом – натуральный кошмар, – сказала Мария, облегчённо выдохнув, узнав Бражника.

– Ничего, мы придадим ему стоящий вид, и он ещё наслужит своё, – заключил Григорий. «Она действительно обрадовалась ему? – Сразу подумал он, как заметил свободу в общении своей жены и её общее спокойствие. – Что, нашла себе приятеля? Думает, этот рецидивист просто какой-то бедняк или попрошайка? Эта женщина обязательно накликнет на нас беду».

– Понятно... Благоустройство – вещь важная. Давненько у нас ничего не ремонтировали... Надеюсь, следующий новосёл будет рукастый и ответственный, – сказал Бражник, очередной раз прилепив свой гадкий взгляд к Серёже. От такого внимания становилось тошно. – А ночлег? Вы нашли где будете спать?

– Да вот и ходим, думаем спросить у кого-нибудь.

– А почему не в избе бабушки Жданы?! – растерянно поинтересовался Бражник, точно такой выбор был самым очевидным и желанным.

– Нам Юлия сказала, что там находиться без дела опасно, – сразу ответил Серёжа, поскольку его отец думал над словами, которые были бы менее бредовыми и глупыми.

– Юлия? Местная пьяница?

– Она сказала, что в доме покойницы спать опасно...

– Бабы... – выругался местный, многозначительно пожав плечами. – Но, если вас смущает этот факт, можете жить в другой свободной избе. Там как-то жил лесник, но его в один момент загрызли волки.

– На охоте? – спросила Вера.

– Да, волки были на охоте.

Сейчас и в лице, и в позе вместе с движениями Бражника читалось что-то дикое, что-то звериное. Он то осматривался по сторонам, то пытался прилечь к воздуху.

– Если вам что-то пригодится из припасов – обращайтесь. Можете не сомневаться – местные вам помогут.

– Какой тёплый приём для незнакомцев... – Гриша не понаслышке знал, что бесплатный сыр только в мышеловке.

– А как иначе? Всё для *особых* гостей! Ну ничего, в начале вы, может, и сыграете гордость, но голод возьмёт своё. Уж мы-то это знаем...

– А тот дом, что вы предлагаете?.. Что в нём?

– Почти всё, что мог позволить себе холостой мужчина. Но не волнуйтесь, – как зайдёте, я сразу всем сообщу о вас, и каждый принесёт по маленькому гостинцу, что б вам проще жилось! А вы, собственно, надолго?.. – Бражник хитро и резко облизал пересохшие губы. Вера тихо хихикнула, а Серёже почудилось: стоило Бражнику того захотеть, как он мог бы своим длинным языком облизать собственные глаза.

– Мы пока прикидываем. Утро вечера мудрёнее.

– Умно-умно. Тогда, дам вам последний совет на сегодня: ночью из избы ни ногой, даже в туалет, лучше сразу в ведро; двери запирайте, окна прикрывайте; на звуки снаружи внимания не обращайтесь; на ночь печь закрывайте, даже если там просто угли остались. Всё это очень важно! Поняли?

– Как-то много правил для такого маленького села. Это точно не исправительный лагерь?

– Это для вашей же безопасности. Вы ещё здесь ничего не видели, и на это есть причины: местные очень пугливы, и вы их увидите только завтра. Максимум через день. А ночью... ночью или волки могут зайти сюда, или люди так наклюкаются, что сами уподобятся волкам. Вы городские, непривычны для деревенской жизни, а в самом Неясыти даже до сельского уровня ого-го!.. – Бражник посмеялся, но резко остановился. Возможно, он страдал от какого-то психологического заболевания, но по его потрёпанному виду тяжело было сказать наверняка. – Всего доброго, Бегловы.

Стоило закончить разговор с Бражником, как они заметили, что приблизился вечер. Мысли о том, что есть ещё шанс вернуться обратно в машину и переночевать там испарились полностью, – взглядевшись в плотные заросли за пределами села, наблюдалась непроглядная тьма. Хочешь, не хочешь, а среди веток и корней обязательно заблудишься. На удивление, свободно перемещаться через эту живую изгородь можно было только пару часов в сутки, всё остальное время тропу, или же её полное отсутствие, пожирала темень. Однако, это также мог быть вопросом времени года и троп внутри зарослей.

Выбора не осталось, и семья направилась в избу лесника.

В сравнении с избой бабушки Жданы, это был настоящий особняк. Такой ровный и ухоженный, словно в нём ещё неделю назад кто-то жил. Рядом располагался забытый всеми станок для дубления кожи, а над входом висели олени рога.

Здесь же были и сени, в которых находились вбитые гвозди, что использовались как крючки для одежды и маленький ящик для инструментов и обуви. С потолка свисали перья и маленькие кости, что на общем плане напоминали какие-то обереги в комнате знахаря.

Жилая комната походила на целый пятизвёздочный отель, и самым приятным здесь была мебель. Мебель! Шкафы, антресоль, ящички, стол, стулья и всё остальное, о чём может мечтать нормальный человек. В глаза бросился красный угол с иконами и свечами. Всего было так много, что даже создавалось ощущение тесноты. Рядом с печкой стояло несколько готовых к топке головёшек. Они до сих пор ждали того, как их хозяин вернётся назад и бросит несчастных навстречу огню. Запах здесь был затхлый, тяжёлый, будто постоянно в помещении что-то кипятилось и готовилось, а неизвестная детям горечь жгла нос. Мария не могла вспомнить, что же могло так пахнуть, но Григорию хватило и первого вдоха. Самогон.

Как бы ни надеялся Григорий на удачу, но продовольственных запасов нигде не было. Пока ставни на окнах были открыты и позволяли солнечному свету попадать внутрь, Мария, как хозяйка очага и мать семейства, бросила головёшки в печь и зажгла огонь. Достаточно умело сработавшись с огнём, она сильно удивила мужа. В ней он наконец-то увидел что-то новое и интересное. В том мимолётно брошенном взгляде, Серёжа увидел одну едва заметную ребёнку мысль, которая ударила его в висок и заставила гневно сжать кулак.

– Гриша, а где будут спать наши дети? – спросила мать.

– Хочу на печке, хочу на печке! – криком требовала Вера, подняв над головой ручку и подпрыгивая до самого потолка. Такой энтузиазм был лишним, поскольку никто не претендовал на это место.

– Пускай спят где хотят.

– Хорошо, тогда, Вера, можешь спать на печи, но если станет жарко, то скажи мне. – Мария оценивающе оглядела каменного гиганта. – Места там предостаточно, и, если разрешишь, с тобой может спать братик.

Вера посмотрела на старшего брата, а тот молча смотрел в её маленькие глазки. Они не говорили ни слова, точно договаривались на немом языке кровных родственников. Вера бы начала как-нибудь отнекиваться, хотя бы просто начав ребяничать или говорить, что её брат зануда, но это же была печка! Будет очень грустно, если Серёжа не сможет поспать на печке... К тому же, если что, прогнать она успеет его в любой момент!

– Хорошо, ему можно.

Для родителей же осталось то, что представляло из себя «летнюю кровать» – небрежно сложенные вместе брёвна и доски, создающие прямоугольник на высоте десяти сантиметров над полом. На такой самодельной кровати красовалась несколько одеял и наволочек. На случай холодной ночи, они могли бы снять со стены чью-то толстую шкуру.

Печь и кровать располагались друг напротив друга, из-за чего с каждого ложа можно было видеть соседнее, которых разделяли сушильные полметра. От подобной расстановки, Серёже всё меньше и меньше хотелось встретить ночь.

Головёшки в печи разгорелись на славу. В комнате начало теплеть, и все быстро сняли с себя верхнюю одежду. Продовольствие так и не было найдено, даже какого-нибудь скудного запаса круп, только застоявшаяся в ведре вода. Благо, в сторонке от избы, чуть ниже холма, располагался колодец, и Григорий надеялся, что подземные воды не перемерзали, иначе его сыну пришлось бы идти и искать сделанные местными жителями проруби. Все правила, установленные Бражником, он ни то, что решил полностью игнорировать, а даже напрочь забыл. Пока тот мужчина разговаривал, отец семейства думал о том, как дать ему в рожу.

– В этом даже топиться скверно, – заметил Григорий, принявшись к тому, что плескалось в жестяном ведре. – Серёжка, домчись до колодца да принеси воды.

– Колодца? – спросил юноша, всё это время следя за пляской огня в печи.

– Нет, чёрт тебя дери, до моря! Куда ты вообще смотрел, когда мы ходили по этой дыре? Или ты предлагаешь семью поить этой дрянью?! Или ты сейчас принесёшь нам нормальной воды, а эту хрень выльешь, или я тебя заставлю всё ведро самостоятельно вылакать, и ты лично узнаешь, что за дерьмо оставляешь у нас под боком! – Пока Григорий кричал на сына, то не слышал того, как из сеней в комнату кто-то стучал.

Стук был странный, медленный и резкий, в то же время громкий и тихий. Кроме удобного стука троицей ударов, он сочетал в себе целых одиннадцать, словно кто-то не привлекал к себе внимание, а ломился внутрь.

– Папа, там стучат, – привлекла всеобщее внимание Вера. Но когда девочка это сказала, новая группа ударов не появилась.

Никто так и не услышал те странные стуки, кроме маленькой девочки, поскольку все внимательно слушали Григория. Даже Серёжа повторял слова отца про себя вслед, добавляя к каждому из них грубое «заткнись».

– Тебе показалось, милая, – успокоила дочь Мария. Было бы неудивительно, что у маленькой девочки могла разыграться фантазия на новом месте.

– Нет, я правда слышала! Целых одиннадцать стуков! Тук-тук, тук-тук-тук, тук...

– Не было там никого, Вера, скорее всего просто ветер. Если бы там действительно кто-то и был, то мы бы услышали... – Григорий отвернулся от сына и пошёл в сторону сеней. Открыв дверь его охватил занесённый с улицы холод и вид «гостинцев», которые так обещал Бражник. – Что б меня!..

– Ух ты! – радостно воскликнула Вера, когда подошла к отцу и посмотрела на кучи сплетённых корзин.

– Чего встал, Серёжа, или думаешь, что всё само себя занесёт внутрь? Иди сюда!

Хоть никакого желания слушаться отца у сына не было, он всё же подошёл к нему и посмотрел на принесённые запасы.

Половина сений была заставлена корзинами с овощами, закрутками, крупами, соленьями, даже нашлись конфеты; были и одеяла, свечи, тапочки, подушки, посуда, вёдра с водой, галлон молока, банка с мёдом, ягоды и целая кастрюля свежеприготовленного супа.

Когда Бражник обещал, что все жители хоть чуть-чуть, но поделятся запасами, никто не придавал его словам особого значения, ведь как можно доверять незнакомцу, особенно алкоголику со стажем. Но подобные подарки затмили все возможные ожидания.

Мария сразу начала накрывать на стол и сортировать провизию на ближайшие дни. Очень скоро все принялись есть. На удивление было очень даже сносно. В одной из корзин Григорий нашёл местную брагу, которую не побоялся попробовать.

- Недурно... Вполне недурно! Надо поинтересоваться, крутят ли они здесь медовуху.

Это был практически первый раз, когда все ужинали вместе. Сейчас просто негде было уединиться и побыть одним.

Тёплая пища позволяла отбросить всё пережитое за день, будь то хорошее или плохое. Это была настоящая идиллия момента, когда есть только человек, еда и тепло. На секунду Серёжа даже забыл, что в каких-то жалких десяти сантиметрах от него сидит Григорий, которого не было слышно.

- И что ты ухмыляешься? Радуетесь, что старый придурок тебе руку пожал?! Ну знай, он просто принял тебя за своего, такое же тупое животное. Тебе здесь самое место, и я хорошенько подумаю, чтобы здесь тебя и оставить! - Стоило только расслабиться, и снова он... старый добрый мир. Серёжа до последнего надеялся, что хоть какая-то маленькая перемена повлияет на его отца, но всё было тщетно. Куда шёл Григорий, туда он тянул и своё извращённое представление о мире.

Солнце скрылось за макушками деревьев, на улице были видны только звёзды. Ставни закрыли, и семья легла спать.

20 ноября 1988 года, ночь

Это был самый странный момент распределения спальных мест в жизни Серёжи. Да, Вера разрешила ему тоже спать на печи, но у неё же было целых две стороны и куча возможностей как повернуться и куда смотреть! Если парню и было безразлично положение на следующие семь или восемь часов сна, – если ему вообще удастся уснуть, – то для маленькой девочки это было очередное поле брани, где она должна была доказать свою правоту и победить.

– Если я буду смотреть в стенку, то могу проснуться и увижу стенку, а если у стены, но спиной к ней, то увижу тебя, а если у края, то могу упасть, а падать я боюсь... Вот если бы я занимала одна всю печку! – С этим театральным выкриком Вера осторожно оглядела брата, до сих пор надеясь увидеть на его лице хоть намёк на эмоции. Если бы он начал её упрасивать или торговаться, это было бы очень здорово. Вера ведь умная девочка! Но нет, Серёжа был невозмутим, а его сестра была справедливой до мозга костей. – Ну нет!.. я ведь пообещала тебе место!

Если у Серёжи и был выбор в том, как и куда ложиться на печи, то он надеялся лишь на то, что не проснётся неожиданно ночью, и не увидит заплаканных глаз сестры.

Он сам не мог себе объяснить, почему его сестра почти всю жизнь плачет во сне.

– Ладно, буду спать у стеночки! Всё равно темно и ничего не видно. – Серёжа согласился, поскольку печь для него представляла из себя всего лишь огромный камень.

Собрав через несколько минут все возможные одеяла и наволочки, ложе окончательно было готово. Девочка залезла наверх, удивилась тому, насколько камень под ней был тёплым из-за огня внутри, и чуть ли не начала мурлыкать, укутавшись в одеяла. Парень уже поднял ногу и был готов подняться, как что-то укололо его в правое ухо. Инстинктивно он врезал по раковине и покачнулся, едва не свалившись на пол. Хоть Григорий и не спал, а всего лишь притворялся – Серёжа был в этом уверен на все сто, – такая маленькая оплошность могла стать отличным пусковым механизмом для очередных криков и матов.

Серёжа оглядел комнату, в которой практически ничего не было видно. «Муха что ли? – спросил он себя. – Какая к чёрту муха в конце ноября?..». Хоть перед глазами и было темно, но что-то всё же не давало ему покоя. Тишина вокруг позволяла прийти к мысли, что он здесь один. Только темнота была его милым соседом по комнате.

«Не стоит баловаться с тьмой», – раздался в голове отвратительный голос Бражника. Почему-то парень не удержался от представления, что этот пьянчуга выкинул бы какой-нибудь схожий перформанс, чтобы просто посмеяться с неуклюжих городских.

Он во второй раз закинул ногу на печь, но остановился. Всё желание сгнуло в никуда. И снова его взор упал на тёмную комнату, бессильно желая разрезать тьму.

Почему он решил вспомнить Бражника в этот idiotский момент? С чего вдруг какой-то полоумный алкаш стал эпицентром страхов? Разве не мог здесь оказаться тот же Фредди Крюгер или любой другой персонаж из фильмов ужасов?..

Но, может Бражник появился не просто так, а это своего рода была волшебная фея под этанолом. И тут вспомнилось, как этот добрый и бухой местный раздавал советы, как провести правильно ночь: закрытая дверь и печь.

Решётка в пасть каменного монстра была открыта, и угли медленно затухали. Взять их в руку было ещё нельзя, но держать над ними ладонь – вполне. Почему же надо закрывать печь? Поразмыслив над самыми невозможными и бредовыми развитиями событий, Серёжа всё же закрыл печь от греха подальше. Дверь также оказалась открыта. По крайней мере здесь он мог не спорить с безопасностью, поскольку никто не мог отвечать за гуляющий народ, что решит познакомиться с приезжими с глазу на глаз.

Стоило последней линии обороны выстроиться, как странное гнетущее чувство покинуло молодого кадета, словно понял, что здесь ловить нечего и ушло прочь. Почесав затылок, Серёжа залез на печь к сестре, без каких-либо происшествий.

Да, всё было действительно куда спокойней.

Парень поднялся и оказался перед лицом засыпающей сестры. Девочка уже почти провалилась в сонное царство, пригретая тёплым камнем.

– Отвернись... – тихо прошептала она. – У тебя из рта воняет.

Поборов смятение и злость, Серёжа отвернулся. Надежды на то, что ему удастся заснуть, почти не было. Он просто закрыл глаза, надеясь, что этой ночью не произойдёт то, чего бы он не хотел *видеть*.

Камень под плечом был тёплым, настолько чтобы можно было думать только о нём. Сестра дышала в затылок, одеяла были недостаточно длинными, чтобы полностью закрывать тело, и пришлось свернуться калачиком. Тепло. Очень тепло.

Интересно, если он будет считать до тысячи, то сколько пройдёт времени? Семнадцать минут? Двадцать? Сможет ли он считать по единице в секунду, и как он вообще считает относительно времени? Может, посчитав до ста тысяч, он мог бы дожидаться утра, и таким образом просто пропустить эту ночь?.. Интересно, кто-нибудь досчитывал до пятидесяти тысяч, пытаясь уснуть? Тогда и не нужно засыпать, когда ты всю ночь считал числа... наверное.

«Один, два, три, четыре... пятьдесят два, пятьдесят три, пятьдесят четы...», – Серёжа остановился. Нет, он не забыл, что идёт после пятидесяти трёх, он прекрасно мог бы досчитать и до миллиарда и дальше, он просто кое-что услышал. Он услышал *это*.

Со стороны кровати родителей доносились слабые стоны. Стыдливые, покорные, пытающиеся затихнуть за сжатыми губами, но вырывающиеся из сокрытых уст, сдержанные и в то же время страстные. Благодарящие.

Это произошло. Произошло именно то, чего он и хотел избежать, свидетелем какого события не хотел быть. Он понимал, что происходит на самом деле, и он ненавидел всех: свою сестру, за то, что та была ещё в таком раннем возрасте и не могла понять отвращения от царящего всего в метре от неё бесчинства; отца, за то, что не мог быть человеком, а склонялся к отвратительному животному; мать, за слабость и покорность, и себя, за бессилие и неспособность уснуть.

Он мог бы спрыгнуть с печи, налететь на отца и выбить из него всё. Дурь, запах сигарет, грязные помыслы, жизнь. Он сжал кулаки и представлял, как опускал их на плешистую голову человека, что был его биологическим отцом. Парень всю жизнь надеялся, что это ложь.

Он хотел взяться за его шею, и сдавливать её так долго и сильно, пока глаза не вылезут из глазниц и не будут напоминать зрелые помидоры. Но... его матери было хорошо, прямо сейчас в эту минуту, и, Серёжа думает не о семье, не о их мыслях и желаниях, а о себе... Его мать, Мария, прямо сейчас она... Почему он думает об этом?!

Он развернулся на печи и закрыл уши. Этот звук напугал родителей и заставил их закончить раньше, чем планировалось. Мир снова накрыла тишина.

«Пятьдесят четыре, пятьдесят пять, пятьдесят шесть...».

Отчёт дошёл до ста двадцати трёх, и Серёжа шёл на рекорд. Он не считал так упорно уже лет пять, и сейчас снова вернулся к себе, к двенадцатилетнему слабаку. Сил ему хватило чтобы убрать руки от ушей, которые уже ныли настолько, что боль и шум заглушали числа. Тихо. Он понадеялся, что оглох.

Серёжа пошевелился, пытаясь размять затёкшие пальцы. Услышал он только хруст ткани, но не со стороны родителей. Парень оглянулся, кроме тьмы он обнаружил только тишину, а у стены была сестра, на бледном лице которой наблюдались привычные подтёки. Облегчённо выдохнув, он упал на остывающий камень печи. Внутри что-то треснуло. Должно быть уголь разорвало от температуры.

Звук повторился, сместившись чуть в сторону.

Серёжа обратно поднялся и прислушался. С улицы завывал ветер, в комнате тишина, а в печи кто-то шевелился. То ли это было наваждение, то ли там кто-то был. Через дымовую трубу могла попасть птица, но эта мысль казалась невозможной – ни одно животное не решилось бы лезть в горячий дымоход.

Несмотря на нелепость суждений, он слез с печи и посмотрел в решётку. На фоне чёрных углей и обугленных остатков древесины действительно что-то было, медленно перемещаясь из стороны в сторону закрывая обзор. В темноте сложно было понять, кто это был, и парень прильнул к решётке всем лицом.

Нечто словно замерло, поскольку любое движение сошло на нет, и только в глаза отдавал жар углей. Серёжа пытался взглянуть в ничто, и, возможно, оно пыталось ответить взаимностью.

И тут, резко в глаз что-то прилетело. Парня отбросило на пол, он вцепился руками в лицо и завопил, разбудив всех членов семьи.

20 ноября 1988 года, утро

Даже спустя пару часов после того, как вся семья была поднята ночным криком боли, Григорий крутил эту картину перед глазами снова и снова. Он продолжал смеяться, не стыдясь, не пытаясь прикрыть это грубое оскорбление прямо в лицо сына.

– Как так можно было учудить?! Прямо в глаз! – давясь смехом и едой продолжал Григорий. Очередной отвратительный звук из его пасти.

Правый глаз Серёжи промыли водой и... и ничего. Медикаментов не было, трав или настоек тоже, всего лишь вата из одеяла и какой-то ремень. Теперь же будущий выпускник кадетского училища походил на ветерана Первой Мировой.

– Ну брось, Гриша, бывает же так. Просто уголь лопнул, и прямо в глаз...

– Зачем этот идиот смотрел ночью в печь? Он бы ещё туда с головой залез!

Мать никак не ответила на замечание мужа, и всего лишь ласково погладила сына по голове. Он был немногословен, ещё больше немногословен чем обычно. Его сейчас не тянуло на общение с семьёй, особенно с матерью. Да, она предала его, хоть и не знала об этом.

Вера сидела за столом и уплетала хлеб с сыром. Ночной вопль разбудил её и вогнал в слёзы. Бедную девочку сковала паническая атака – она снова думала, что в семье вспыхнула ссора. Смех отца в тот момент только ухудшал положение. Когда она успокоилась, всё вокруг утихло.

Сильная боль прошла быстро, и это точно был не уголь. Это больше походило на то, словно чем-то ткнули прямо в глаз, словно пальцем.

Когда ночью зажгли свечи, а Серёжа катался по полу, его лицо слегка было запачкано кровью, но без серьёзных повреждений. Возможно, пару дней ещё поноет, а там и всё залечится.

– Теперь твой брат пират, Вера, – говорил отец дочери, пока приступы смеха уходили в недалёкое затишье.

– Пираты весёлые, а он всё дуется...

– А может, сделаем его двойным пиратом, а? – Григорий помахал перед лицом дочки вилкой, намекая на то, что Серёже стоит выколоть второй глаз. – Авось так станет веселее.

Девочка о чём-то задумалась и замотала головой. Да... с таким воспитанием ей придётся не сладко.

Серёжа проглотил обиду, раз, наверное, в тысячный. Хоть он и стал временно слеп на один глаз, в отце он видел придурка и нелюди как никогда раньше.

Завтрак закончился, и вся семья принялась собираться на работу. Хоть вчерашний осмотр и создал призрачное представление того, какие работы ждут Бегловых. Оставалось только найти то, чем можно будет работать и составить поверхностный план.

– Интересно, эти олухи и дальше будут нас кормить и греть у себя, пока мы занимаемся этой чушью? – спросил отец вслух, когда все одевались на улицу.

На часах возможно было семь утра, или восемь, или все девять. Неважно. Серёжа только помнил, что он очень долго не мог уснуть, наверное, всю ночь, удар в глаз и всеобщее пробуждение. Он осторожно почесал повязку. Нет, это однозначно был не уголь – в печи что-то сидело.

Ранее утро, возможно даже слишком ранее, встретило недавно прибывших холодным ветром. Никто не сопротивлялся воле Григория и его убеждениям, что нужно работать, и работать нужно всем.

Сейчас Неясыть выглядело как-то иначе, возможно это была игра света и ракурса, но некоторые избы показались куда лучше прежнего.

Когда Серёжа отстал от членов семьи, он оглядел это мертвое село, представляя, что в сегодняшний день, когда у него не вышло сомкнуть глаз и на минуту, всё будет очень тяжело и неприятно.

Очень быстро все вернулись к знакомой избе, что говорило о том, что им хоть и немножко, но удалось привыкнуть к местными видами и маршрутам.

Григорий помнил только большую и уродливую во всех представлениях избу, а то, что было рядом с ней – вообще ни капельки. Когда в его голове были надежды на сарай или подвал (некоторые городские не могли представить себе жизнь без подвала, а подполье казалось чем-то выдуманным и недееспособным), его надежды столкнулись с плачевной реальностью – у старушки не было ни сарая, ни какой-либо пристройки. На земельном участке, который можно было продать вместе с избой, находилась только сама изба.

– Карга даже после смерти любит поглумиться, – вырвалось у отца, и он сразу принялся курить. Его сыну так и не удалось понять, помогли ли сигареты или наоборот разжигали ненависть и раздражительность...

– Сука, – продолжил он, – надо подумать... Серёжа, найди инструменты, иначе мы без них ничего не сделаем и застрянем здесь, или, оставим тебя, чтоб ты всем и занялся, если не сможешь сейчас нас обеспечить! Я заново всё осмотрю и прикину план.

– А мы, папа? – спросила Вера, приблизившись и подёргав отцовское пальто за подол. – Я тоже хочу помогать. И мама.

– Хм, можете спросить у соседей, как те проснутся и выйдут, где и какая была земля у старухи. Если мы будем продавать это место, – а мы будем, – нужно будет хорошо подготовиться. Парочка денежных мешков не откажется от «Коттеджа в паре сотен километров от большого города, с крупным земельным участком»... Да, с этого точно что-то выйдет.

Серёжа проследил за тем, как все члены семьи скрылись в избе, поскольку снаружи было слишком холодно чтобы оставаться там надолго, в добавок было ещё слишком рано. Но подобная щедрость не распространялась на него, как и всегда...

Молодой кадет отошёл от обветшалого здания, которое за ночь стало чуть более отвратительным и чахлым, и пошёл вглубь села. Какие нужны инструменты и где их брать – загадка, но она мало заботила парня, поскольку он нашёл отличный способ уйти от всех прочь и заняться тем, что он любил и умел делать больше всего – размышлять в полном одиночестве.

Найти где попало бесхозные инструменты казалось чем-то нереальным, как и то, что найдётся добрый самаритянин, что поделится с незнакомцами своим добром. Да, местные уже это провернули с едой, но у любого здорового человека был предел доброты.

Домов словно стало больше, что не до конца успел заметить Серёжа в прошлый день, и некоторые из них выглядели совсем необитаемыми, – смотря на эти памятники истории, то и дело можно было разглядеть ту или иную деталь, которая так и намекала, что здесь нет никого. Разбитые окна, высаженная с петель двери, огромные дыры в крышах или обвалившиеся углы. Если смотреть именно на избы и их состояния, то жителей в селе могло быть около одиннадцати, но реальных цифр парень не знал, и что-то ему подсказывало, что не захочется знать.

Миновав ещё несколько халуп, он остановился. Его внимание привлёк странный звук, доносящийся из одной из брошенных изб. Он походил на резкое и прерывистое дыхание, но не напоминал что-то конкретное и знакомое.

Дверь висела на одной ржавой петле, из окна торчало толстое бревно, а внутри был виден ковёр белоснежного снега. Снег. Почему-то только сейчас Серёжа обратил внимание на то, что в Неясыти не было снега. Совсем. Будто только и подтверждая свою отречённость от всего мира, село даже не позволяло природе командовать погодными условиями. Ни сантиметра белых хлопьев не было на улице. С самого прихода Бегловых. И это не казалось странным. Станным было только то, что снег был внутри избы, хоть и брошенной, но избы.

Он подошёл поближе и остановился на пороге, в паре шагов от белоснежного ковра. Это определённо было неправильно, ведь не могло деревянное строение работать как морозилка... А чьё-то тяжёлое дыхание, в котором уже сложно было сомневаться, доносилось как раз изнутри.

Серёжа все же решился на то, чтобы сделать шаг вперёд, и снег под его ногами приятно захрустел. Дыхание резко прекратилось, а парень остановился, скованный неприятным ощущением, что он нарушил чей-то покой и ворвался на частную территорию. То и дело он ожидал, что кто-то выйдет из тёмного угла и начнёт прогонять незнакомца, но ни чуда, ни кошмара не случилось. Тишина продолжала висеть в воздухе.

Ещё парой шагов он дошёл до конца сени, вторая дверь которой также была снесена напроц, и в отличие от первой, вовсе отсутствовала поблизости. Внутри были и личные вещи бывших хозяев, что было странным. «Может, Григорий прав, и бабушка действительно была сумасшедшей, если у неё дома не было ничего? – подумал он. – А может, нас и вовсе обманули, и это был не её дом, а чей-то чужой».

Закончив подбадривать себя мыслями, он продолжил изучение избы. В голове даже появилась мысль обчистить это место, чтобы можно было украсить избу бабушки Жданы, но зачем это лично ему, может он просто хочет покрасоваться перед отцом, возвыситься над ним? В его голове не было ни капельки представления, что его отношение с Григорием были хоть на чуть-чуть похожие на обычные отношения отца и сына, за которыми он часто наблюдал в детском саду или средней школе. Это был совершенно чужой человек, от него тошнило, бросало в жар, хотелось сделать что-нибудь броское, ужасное, отвратительное, лишь бы избавиться от него и никогда больше не видеть. И даже если Серёже удастся помочь Григорию в его плане по ремонту и облагораживанию избы, пропасть между ними ни за что не станет меньше. В этом было невозможно не сомневаться.

Наконец-то придя к выводу, что любые попытки помочь отцу окажутся тщетными, Серёжа осознал, что уже стоит в жилой комнате. И кроме него внутри был кто-то ещё. В центре, лёжа прямо на заснеженном полу, находился огромный комок из чёрной шерсти, который тяжело дышал. Непонятное существо напоминало собаку, но ничего в её фигуре нельзя было разглядеть, ни лап, ни морды, всего лишь чёрный, дышащий комок вонючей шерсти.

– Ты живой?.. – тихо спросил Серёжа, точно собака могла ответить на вопрос.

– Жи-ав, – раздался неожиданный ответ. Это был то ли тихий и озлобленный лай, то ли попытка отхаркнуть слизь из горла.

Парню показалось, что пёс умирал. Ему хотелось разом и помочь, и уйти. Серёжа ничего не знал о ветеринарии, и единственное, что он мог сделать для пса, так это согреть его и утешить, но трясущиеся колени не позволяли подойти ближе.

– Нехорошо обворовывать мёртвых, – раздался голос извне. Парень поспешил выбраться наружу, поскольку почувствовал себя пойманным за страшным преступлением – лицемерием смерти, но никак не кражи.

На улице стоял Бражник, и на этот раз он не выглядел весёлым и загадочным. Он с какой-то осторожностью и любопытством рассматривал внутреннее убранство заброшенной избы, остановившись прямо перед входом.

– Я ничего не трогал, просто увидел снег и удивился!.. – попытался объяснить Серёжа, но остановился, продемонстрировав нервозность и неряшливость совсем маленького шкодника.

– Я помню это, и людей, что здесь жили. Лет тридцать прошло, как здесь никого нет, только ветер. Знаешь, что мёртвые часто приходят в собственные дома, чтобы посмотреть на те вещи, которые хоть что-то значили для них?

– Нет, впервые слышу.

– Бывают такие индивиды. Не все, конечно, но есть...

– Я не верю в подобное, – резко прервал его Серёжа.

– В какое «подобное»? – Бражник не особо выглядел довольным, когда его грубо обобрали, но вскоре на лицо вернулась знакомая ехидная улыбка.

– В мистику.

– В мистику... А почему не веришь? Такому вас учат в кадетском?

– Есть наука и учёные, они объясняют всё или находят объяснения. Весь мир взаимосвязан, он имеет логику и закономерности, а мы всего лишь изучаем его.

– Умная мысль... Но это говоришь ты, или, кто-то другой, такой же *разумный* как и ты, – если не более, – скажет что-то схожее. То, что ты говоришь про логику и закономерности говорит и о том, что не везде будут они прослеживаться, пока их не *увидят*, – достаточно удивительная демагогия от *такого* человека.

– Но всё же найдут, – начал спорить Серёжа. Ему даже понравилось, что из Бражника выходит вполне интересный собеседник. Возможно, если бы не бросающийся в глаза отвратительный вид, из него мог бы выйти превосходный оратор. А также в глаза бросалось и то, что для своих лет и места жительства, этот человек был дьявольски умён. – Откуда вы знаете, что я кадет? Никто из моей семьи вслух не упоминал этого.

– Можно получить те знания, которые вам позволяют получить, молодой человек, и это не означает, что что-то до сих пор может прятаться на виду, даже если и живёт бок о бок с человеком с самого его рождения. А про кадетский корпус не бойся, я всего лишь маленький и любознательный мышонок, сижу и умничаю у себя в углу, грызя зёрнышки... От тебя несёт коммунизмом и военной выдержкой за милую, а таких фанатичных детишек держат только в одном месте.

У Серёжа нервный ком застрял в горле. Он совершенно не знал человека перед собой, который на самом деле мог оказаться шпионом. Точной причины резко возникшего страха он не смог бы назвать, но то, как Бражник заговорил о кадетах и коммунизме, вынудили его по-новому открыться перед молодым гостем села. Он всё же не нашёл что ответить, и как можно было бы продолжить тему разговора.

– Там внутри собака. Она, похоже, умирает.

– И ты пришёл посмотреть?

– Я хотел помочь...

– Ты ветеринар?

– Нет.

– И чем же тогда ты хотел помочь? – хмыкнув, спросил Бражник. Ехидная улыбка на лице вернулась назад, почти разделив его на две части.

– Не знаю... Не хотелось бы, чтобы живое существо умирало в одиночестве.

– Честные кадеты и благородные дети, как всегда... – Бражник прошёл мимо Серёжи и углубился в избу.

Когда Серёжа вышел на встречу к Бражнику, тяжёлое дыхание стало тише, чем в первый раз, и сейчас оно исчезло полностью. Парень бы подумал, что пьяница добил бедняжку, но тогда он бы слышал хоть что-нибудь, но не полную тишину.

– Да, такое бывает, но не особо часто, – сказал мужчина, вернувшись на крыльцо к парню. – Был собой, теперь *такой*.

«Мёртвый?».

– Ночью от него уже ничего не останется. Не волнуйся – я позабочусь об этом. И, тебя это может заинтересовать: ты не местный, а значит, тебе может приглянуться компания твоего возраста. У меня есть кое-кто на слуху, и я расскажу ему о тебе.

– Я не собирался заводить здесь новых знакомств.

– Ого, кадет, говорящий благородством и честностью человек, отказывается от общения с деревенским?! Да, понимаю: мы низший класс, и нас не только нужно остерегаться, но и рас...

– Я не об этом!

– Тогда тебе понравится.

– Я не уверен... – сказал парень, наконец-то отойдя от избы. Внутри было куда холоднее, чем снаружи, и, скорее всего, именно из-за этого снег всё ещё оставался на месте.

– Если тебе итак весело, а не приходится скучать или с родителями, или с малой сестрой, то пускай. Как говорится: «хозяин – барин».

Серёжа пошёл вглубь единственной улицы, продолжая осмотр местности. Для него не стало удивлением, что Бражник засеменял следом, но продолжал молчать, точно готовясь как истинный гид моментально ответить на любой вопрос. Через две минуты они подошли к огромному камню. Великан был чёрного цвета, и небольшая его часть была украшена старыми трещинами и засечками.

От тишины молодого кадета тошнило, особенно когда рядом кто-то постоянно шёл. Это походило на слежку.

– У вас есть какие-нибудь достопримечательности?

– Достопримечательности?

– Да, какое-нибудь интересное и необычное место, которое можно назвать удивительным и похвастаться гостям.

– Я знаю, что такое «достопримечательность»... А ты как думаешь, в захолустном селе могут быть достопримечательности?

– Нет?..

– А у нас есть! – Бражник выпалил это так резко, что парня дёрнуло от неожиданности. Мужчина смотрел на собеседника и широко улыбался. – Вот этот камень, к примеру, а ещё у нас есть кладбище.

– И что это за камень? – Он был бы рад и даже удивлён, если бы в местных лесах могла находиться Долговременная Огневая Точка времён Великой Отечественной войны или покрытый многолетним мхом танк. – Что-то эзотерическое?

– Зришь в корень! Видно, что вас в кадетском корпусе не просто так учат. Да, это жертвенный камень. Много веков назад, когда Неясыть было куда менее знаменито чем сейчас, у этой глыбы совершали жертвоприношения. – Серёжа решил промолчать на счёт «знаменитости», села, не говоря о том, что этого места фактически не осталось, ни на картах, ни в памяти людей.

– О каких жертвах речь?.. – Если бы здесь когда-то жил жестокий культ, то это было бы круто.

– О богоугодных, конечно же.

Серёжа лишь недовольно промычал. Это был самый сухой, туманный и непонятный ответ из всех возможных. Подобными свойствами можно было наделить любой мусор.

– Если хочешь, можешь прикоснуться к нему. Даже спустя столетия ощущается сила в *Ego* тверди, – продолжил Бражник, заметив особую незаинтересованность со стороны молодого гостя.

Парню не хотелось подходить к камню и прикасаться к нему, поскольку это было... странно. Если это увидит отец, то будет до конца дня смеяться и издеваться, если это были бы друзья из училища, то могли бы проигнорировать такую картину. Однако на другой стороне весов был и Бражник, который уже второй день является фактически единственным добродушным и активным жителем Неясыти, несмотря на Юлию, которую даже сам Серёжа мог назвать... чудной.

Парень всё же подошёл поближе к громадине и прикоснулся к ней. Если в начале он и ожидал какой-то холод, даже чуть более морозный чем от ветра, то камень на самом деле был даже тёплым. Издали он легко мог быть приписан к обычному булыжнику, но вблизи различались прорези, закругления, и что-то похожее на письмена... точно он был сделан руками человека.

– Ого!.. – заметил Серёжа, ощутив исходящее от камня тепло. Ничего другого, что можно было приписать к эзотерике, не ощущалось.

– Ага. Можешь ещё приложить ухо, и услышишь шум в пульсирующих жилах. – От такого предложения парень отказался. Хоть удивительное свойство камня действительно разожгло интерес к монументу, но *углубляться* в знакомства как-то не хотелось. – Хочешь узнать его историю?

– Историю камня?..

– Скорее монумента. Ему уже много веков. Люди приходили к местным, как паломники, чтобы посмотреть на эту красоту. Собрания староверов и язычников, широкие хороводы, песни в честь богов, тех, кого почитали на этих землях до прихода Христа. И, когда песням и пляскам был заткнут рот, они хватались за принесённую жертву, – будь то животинка или человек, – вспарывали ей брюхо и покрывали внутренностями камень, и, чтобы жизнь шла вслед за жизнью, сохраняя девственную чистоту и непорочность, наносили толстый слой глины поверх жертвенных мазков. – Бражник с загадочным упованием говорил это, словно и сам был свидетелем подобным ритуалов. – А теперь пошли за мной!

Серёжа пошёл за Бражником, точно они были старыми знакомыми, – и тени сомнения не было, что может произойти что-то плохое.

Местный житель петлял между хижинами и завалившимися пристройками, возможно, ведя к следующему интересному месту. Серёжа уже забыл, что было после камня.

– Ещё у нас здесь есть болота и лес. Они хоть и есть в других частях нашей страны, но всё же у нас они особенные. *Родные*.

Когда они дошли, Серёжа вспомнил, что именно говорил Бражник. Кладбище. Это было довольно длинное поле, без единого кустика или дерева, всё неровное, с буграми, усеянное десятками деревянных крестов. Ему пару раз приходилось бывать на городских кладбищах, и он сразу заметил небольшое отличие от того, что сейчас предстало перед глазами.

– Почему они безымянные? – бросил в лоб парень. И верно, ни на одном кресте не было ни дощечки, ни таблички, ни даже вырезанной на дереве надписи. Сорок три могилы без букв и цифр.

– Они нам не нужны. Мы и так понимаем, кто *там* лежит... и нам этого достаточно.

Несколько минут Серёжа в молчании смотрел на кладбище, такое пустое, мрачное, *безжизненное*. Что-то было в этом месте спокойное, то, что когда-нибудь объединит всех людей.

– Я так и забыл спросить, а чего ты такой одноглазый?

– В глаз что-то попало, вот и всё...

Бражник только довольно усмехнулся, точно знал правду, но версия парня звучала более наивно и стыдливо. Не может же он сказать этому человеку, что ночью решил посмотреть в горло печи и что-то попало ему прямо в глаз? Может оно и стоило, – не было смысла строить из себя крутого перед незнакомцем, особенно если он крутился в сомнительных кругах, но Бражник был первым и единственным мужчиной, с которым можно было нормально поговорить.

– Здесь лежит моя бабушка?

– Здесь-здесь, её могилка самая свежая. В углу стоит. А что, наведаться хочешь?

– Нет, я просто...

– Жалеешь, что не встретил *нормального* родственника?

– Что прости? – Серёжа вопросительно посмотрел на Бражника, и с того лица снова не сходила ехидная улыбка.

– Брось, парень, по тебе видно, что своему папаше ты всю плешь проел, и выжигашь его спину взглядом. Ты же не забыл, что я *всё* понимаю? – Юноша решил промолчать.

Ещё пару минут молодой кадет гипнотизировал могилы. Кресты выглядели идентично друг другу, словно под каждым из них лежал один и тот же человек.

– Ладно, насмотрелся я, пойду назад.

– А чего ты это принялся гулять, Серёжа? Я-то думал, что вы сейчас всей семьёй начнёте насиловать бедную избушку.

– Собираемся, но инструментов нет. Отец надеялся, что у бабушки будет сарай, а в итоге ничего.

– Это да, понятное дело. Но не волнуйся, мы всё найдёт и дадим.

И очередной раз Бражник стремился помочь незнакомым гостям, о которых он ничего толком не знал. Возможно, для местных помогать друг другу было чем-то обыденным, почти бытовым, но Серёжу это слегка напрягало. Не будут ли с него требовать что-то в ответ?

Вернулся в хижину бабушки Жданы Серёжа совершенно с пустыми руками. К тому моменту он уже отсутствовал около полутора часов, и Мария с Верой спокойно пошли знакомиться с жителями Неясыти. В отвратительной хижине оставался только Григорий. На само возвращение сына он никак не отреагировал, а на его пустые руки – наоборот:

– Ну и как иначе с тобой работать?! Иди тогда и руками выдирай двери. Ты и понятия не имеешь, сколько здесь работы, и без инструментов её только больше и больше.

– Я встретил Бражника, и он предложил помочь. – Серёжа не пытался даже посмотреть в сторону отца – стены с клочками паутин и мёртвыми пауками казались куда привлекательней на вид.

– Тот алкаш?! Всё же подался за помощью к дружку. Да, ты здесь быстро приспособился, сопляк, но ничего, быть может здесь и останешься, авось, за своего окончательно примут.

Пока Григорий смотрел в окно, выглядывая жену и дочь, и просто примечая вид, который также можно использовать при продаже избы, Серёжа просто ходил из стороны в сторону. Он хотел было уйти, но ему было фактически некуда деваться. Да и дела по ремонту никак нельзя было начать, чтобы хоть чем-то себя занять.

– И что ты встал? Работы не початый край, а ты тут шатаешься как олух! Вон дверь кривая стоит, выдерни её! – Григорий рывкнул так, что перепугал вороньё на крыше.

– Мне нечем, – ответил парень, отвернувшись в другую сторону.

– Рук что ли нет? Инвалидом тебя родили?! А если ты об инструментах, то сам должен был об этом позаботиться!

Как же парню хотелось сделать две вещи: рывкнуть в ответ и набить отцу морду. Но у Беглова-старшего всегда был ответ на любое сопротивление. Он начинался на «ку», и заканчивался на «лаки». В первую очередь легко шёл крик, который только раззадоривал Григория, потом тычки, захваты за руки, плечи или шею, потом уже более жёсткие и действенные приёмы.

Чтобы не огрести даже мельком, парень взялся за какой-то сук, неизвестно каким образом оказавшийся здесь, и принялся снимать паутину с углов. Хоть это и была какая-то работа, но видать не шибко унизительная.

– Ты чего бабьим трудом занимаешься, а, сопляк?! Я тебе про что сказал? Иди к двери!

Серёжа показательно подошёл к двери и вцепился в неё. На удивление она держалась крепко. Если бы ему действительно захотелось сорвать её с петель, а желательно вместе с петлями, то в этой битве он бы оказался в проигрыше. Пара рывков для виду, и отец вернулся к наблюдению за улицей. «По любому этот придурок и пальцем не пошевелит, пока не будет на то веской причины», – думал Серёжа, один раз интереса ради приложив все силы в своём противоборстве.

– Женщины идут, – сказал Григорий через десять минут актёрских пыхтений сына. Оттого, что у парня ничего не вышло, он только недовольно цыкнул.

– Мы вернулись! – громко сказала Мария, переступив порог. На удивление она выглядела куда более свежо, чем в избе лесника, и Серёжа боялся предположить, что послужило причиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.